

Декабрь

Боль то накатывала, то отпускала, и я скользила по этим волнам то вверх, то вниз. Эти приступы не имели ничего общего с теми чуть ли не оргазмическими всплесками, о которых рассказывала нам инструктор на курсах будущих мам «Новая эра», но зато они не были и так ужасны, как рассказы моей мамы о расходящихся костях таза и женщинах, сходящих с ума от боли в родовой агонии.

Я втягиваю в себя кислород и ужасно хочу увидеть лицо Тобиаса, полное такого плутовского очарования, как будто он приглашает весь мир послушать какую-то его шутку. Когда моя мама впервые увидела его, она сказала, что он похож на дружественную лошадку. Его бесит такое сравнение, а мне оно дорого.

Но вот наконец и он: темные кудри взъерошены еще больше, чем обычно, опоздал на рождение своего первенца — как это на него похоже! Его изможденный вид, я уверена, объясняется всего лишь тем, что он допоздна шатался где-то в городе. По своей натуре Тобиас явно не воин.

Я еще успеваю удивиться, вспомнив, как увидела его в первый раз, идущего, пошатываясь, среди танцующих, и сразу поняла, что он будет мне хорошим супругом и отцом моих детей... Но тут раздается крик акушерки: ребенок перестал дышать. Внезапно комнату со всех сторон заливают яркий свет, ко мне бросаются люди в голубых операционных халатах и масках, а Тобиас, потный и небритый, плачет и все приговаривает:

— Да, да, сделайте что-нибудь, что угодно, только чтобы с ними все было в порядке!

После этого мне делают эпидуральную анестезию и срочно назначают кесарево сечение.

У меня перед лицом устанавливают ширму, и я ощущаю какую-то странную возню, как будто кто-то двигает мебель у меня во внутренностях. Я плаваю на грани, то приходя в сознание, то снова теряя его. Лекарства — и обычно используемые при родах, и те, более мощные, которые мне только что дали доктора, — действуют, должно быть, очень здорово, потому что, несмотря на девять месяцев маниакального раздражения, сейчас я абсолютно спокойна и созерцательна, как адепт дзен-буддизма.

Они снова что-то тянут... Кто-то кричит:

— Это девочка!

Раздается громкий вопль: это моя дочь — она здесь, за ширмой. Они не показывают ее мне. Секунды тянутся часами. Я вне себя от желания поскорее увидеть ее.

Наконец, наконец-то они приносят ее мне!

У нее большие серые глаза — один немного больше другого. В сознании на секунду проносится мысль: она не красавица. Но затем в голове срабатывает какой-то переключатель, и это личико — слегка перекошенное, с неодинаковыми серыми глазками — становится для меня самым красивым и самым лучшим из всех возможных вариантов. Рядом возникает Тобиас, который без удержу плачет, не в силах сдержать слез счастья, гордости и любви.

Это потрясающий момент. Один из тех редких случаев, когда никто точно не хотел бы оказаться в другом месте и заниматься чем-то еще. Прошлое и будущее растаяли и исчезли: существует только «здесь и сейчас».

Меня вместе с ребенком, который приткнулся рядом, куда-то везут, я лежу на каталке и думаю: это только самое начало. Теперь она моя, моя навсегда, чтобы любить ее и беречь. У нас есть целая жизнь, чтобы узнать друг друга. Я чувствую, как меня накрывает волной любви — ничего подобного я никогда в жизни не испытывала; любовь эта охватывает мое дитя, Тобиаса, я буквально излучаю ее, и ее хватит, чтобы осветить весь мир.

Раньше мне доводилось видеть нескольких новорожденных младенцев, и все они дрожали, как будто в благоговейном трепете перед великолепием этого мира и необъятностью расстояния, которое пришлось преодолеть, чтобы попасть сюда. Но это не тот случай. Мой собственный космический путешественник идеально безмятежен.

Затем она начинает дергаться. Я краем глаза вижу ее стиснутый дрожащий кулачок. Тобиас кричит:

— У нее судороги!

Меня на мгновение охватывает инстинктивный животный страх: для этого ребенка уже все кончено, наша нормальная жизнь оборвалась.

И снова, когда ко мне бегут врачи в хирургических халатах, это выглядит, словно сцена из сериала «Скорая помощь».

* * *

Если вы хотите что-то сделать, свои действия нужно спланировать. Мне это хорошо известно: я — шеф-повар. Например, чтобы приготовить соус бешамель, вам нужно правильные ингредиенты в правильных пропорциях смешать в правильное время. Отмерить, выбрать момент, проследить. По обыкновению эти вещи у меня получаются хорошо. Тобиас этого не понимает: он музыкант, пишет музыку для телевизионных передач и коротких документальных фильмов. Он редко встает раньше полудня и оставляет бумаги, одежду и прочие следы своей жизнедеятельности разбросанными где попало. Он всегда и везде хронически опаздывает. Он постоянно повторяет, что любит оставаться открытым для судьбы и называет это креативностью. Но я тоже креативна, тоже занимаюсь творчеством. Однако с соусом нельзя быть небрежным — это просто не работает.

С самого первого раза, когда мы только начали пытаться завести ребенка, я спланировала все до мельчайших деталей.

Я уже тогда знала:

Что нашу девочку будут звать Фрейя (хорошее старомодное имя, в значении которого присутствует легкий эзотерический

оттенек: скандинавская богиня любви и деторождения), — даже несмотря на заявление Тобиаса, что я смогу сделать это только через его труп.

Что у нашего ребенка будут широкие плечи и очаровательные длинные ноги, как у папы, а также прямые светло-каштановые волосы и большие серьезные глаза, как у меня.

Что у нее будет его *joie de vivre*¹ и мой талант организатора.

Что, как только мы выйдем из роддома, все продадим и переедем на юг Франции.

Так что сейчас, пока я лежу с затуманенным от морфия сознанием, все эти доктора, которые увели Тобиаса и унесли ребенка, никак не могут потревожить меня. Мои планы уже утверждены. И все будет хорошо.

На юге Франции на нас будет ласково светить солнышко, люди там будут дружелюбны и приветливы. Дочка наша будет расти в двуязычной среде, она будет утонченным ребенком, защищенным от всяких педофилов. Она не будет требовать себе кроссовки «Найк» последней модели. Она не будет употреблять наркотиков...

Я вижу дом, который мы купим там: коттедж в Провансе, двери увиты розами и мальвами, поле лаванды с редко стоящими оливковыми деревьями, насыщенная голубизна моря сливается с лазурным небом...

Я парю над этим морем, полями и домом, а где-то там, внизу, мы с Тобиасом и нашим ребенком живем нашей замечательной счастливой жизнью...

* * *

Просыпаюсь я рано.

Я хочу быть с моим ребенком.

Пока трудно сказать, закончилось ли действие морфия. Голова по-прежнему одурманена, мысли путаются, но при этом я чувствую жуткую боль.

¹ Жизнерадостность, избыток чувств (фр.). (Здесь и далее примеч. пер, если не указано иное.)

Громадных усилий стоит мне вспомнить, где я нахожусь: это маленькая изолированная палата, которую в больнице используют для так называемых «особых случаев». Рядом кто-то храпит, словно напоминая мне, что Тобиасу разрешили спать здесь на раскладушке. На столике возле меня звонит мой мобильный. Я нащупываю его и сбрасываю вызов. Через пару секунд приходит СМС: «ЕСТЬ НОВАСТИ?» Это моя лучшая подруга Марта. Архитектор. Не замужем. Слишком занятой человек, чтобы заботиться о правописании. Я понятия не имею, что ей ответить, и поэтому отодвигаю телефон в сторону.

Приходит медсестра, чтобы снять катетер. Я и не знала, что мне его поставили: все это время мне вообще казалось, что я развелась с собственным телом в некий давно забытый момент в прошлом — где-то часов восемь назад или около того. Вытаскивать эту штуку чертовски больно. Меня стошнило, то ли от боли, то ли от морфия — сама не пойму.

— С вами все в порядке? — спрашивает нянечка.

Я не знаю, что ей на это ответить, но мне нужно встать, так что вру, что все хорошо, и спрашиваю:

— Можно мне сейчас встать, чтобы увидеть своего ребенка?

Моя дочь находится в затемненной комнате, где полно всяких мерно урчащих хитрых машин — чух-чух-чух, чух-чух-чух, — и крошечных деток, размером с кулак, которые лежат в прозрачных инкубаторах под светом странных цветных ламп. Я мгновенно узнаю ее: она вдвое больше любого из младенцев в этой комнате. Она лежит в открытой кроватке в позе эмбриона; из ее носика тянется трубочка, а к ноге пластырем приклеен какой-то проводок. Над головкой расположен блок мониторов, расшифровывающих ее состояние с помощью набора показателей жизнедеятельности: сердцебиение, насыщение крови кислородом, дыхание.

Медсестра объясняет мне, что это ПНИТ — прибор неонатальной интенсивной терапии, — и показывает, как взять ее, чтобы не потревожить все эти датчики.

Я впервые держу на руках своего ребенка. Она — само совершенство: губки — как бутон розы, ушики — как у эльфа,